

© 2013 г.

А.С. ИПАТОВА

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ

Геополитическое положение России определяет характер ее интересов в отношениях с различными государствами на всех направлениях, а на восточном – в первую очередь в связях с крупнейшим партнером – Китаем. Важным компонентом в формировании межгосударственных отношений России с Китаем является то, что государства-соседи¹ принадлежат к разным мировым цивилизациям. При этом история взаимоотношений двух великих евразийских государств, насчитывающая почти 400 лет, является собой уникальный пример долговременного мирного развития.

Государствами-соседями Россия и Китай стали лишь в середине XVII в. после прихода в 1644 г. к власти в Китае маньчжурской династии Цин (“чистая”) и официального оформления земель Приамурья как части Русского государства в 1653–1654 гг. Династия Цин правила до 1912 г. Она была свергнута в результате Синьхайской революции 1911–1913 гг. На протяжении 268 лет до свержения Цинской династии и провозглашения в Китае республиканского строя в 1912 г. российско-китайские отношения развивались как отношения между двумя равновеликими феодальными империями. Развитие это было крайне сложным, особенно на раннем этапе.

Уже первые посещения Китая русскими путешественниками и официальными послами показали всю глубину цивилизационных различий и сложность контактов Москвы с Пекином. Каждая из сторон руководствовалась не только своими национально-государственными интересами, но и собственными представлениями о характере межгосударственных отношений.

Россия действовала в соответствии с христианской моралью и нормами европейской дипломатической школы, основанными на принципе равенства суверенных государств и, следуя этой традиции, стремилась строить горизонтальные международные связи со всеми государствами, в том числе и с Цинским Китаем.

Маньчжурские правители восприняли традиционные представления китайцев о мироустройстве, согласно которым центром мира являлся Китай, чему соответствует и самоназвание страны Чжунго – Срединное государство. Средневековая китайская дипломатия была основана на философско-политических воззрениях древних китайцев и формировалась на протяжении тысячелетий, корнями уходя в глубокую древность, когда в течение длительного исторического периода соседями Китая были народы, находившиеся по сравнению с ним на более низких социальных и культурных ступенях развития. Отсюда и происхождение термина “варвары” (*и, и жэнь*), которое затем распространилось на народы всей окружающей ойкумены, и китаецентристского постула-

Ипатова Аида Семеновна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

Статья подготовлена в рамках научного проекта “Взаимоотношения России с Китаем в XVII–XX вв.” при финансовой поддержке РФНФ. Проект № 11-01-00044а.

¹ Протяженность российско-китайской границы составляет 4431 км.

та об особой силе и о могуществе Поднебесной. Стратегию и методы она заимствовала из древнекитайского военного искусства.

Крупным достижением мирового востоковедения было открытие В.С. Мясниковым в 1977 г. стратагемности китайского политического мышления и этнопсихологии китайцев. Теперь это понятие стало общепринятым при анализе истории и современного состояния международных отношений в Восточной и Центральной Азии. Стратагемность была неотъемлемой основополагающей частью китайской традиционной дипломатии, являлась сплавом “стратегии с умением расставлять скрытые от противника западни”².

Практическое применение стратагем во внешней политике Китая “сводилось к стремлению придать всем государствам, вступавшим в контакты с Китаем, статус вассалов империи. Своеобразная данническая система действовала на протяжении тысячелетий, имела особые хорошо разработанные институты и, практически, не знала исключений. Ведение связей “на равных” представляло редкие эпизоды в многовековой истории”³. Важной составляющей китайской дипломатии был тщательно разработанный церемониал, также направленный на утверждение превосходства Китая над всеми другими странами и народами. Именно церемониалу и этикету китайская дипломатия, а цинская особенно, придавала исключительное значение во внешнеполитической практике. Все это вместе взятое составляло специфику средневековой китайской дипломатии.

У Московского государства, наряду с воспринятыми им европейскими нормами дипломатического протокола, были и собственные представления о порядке приема иностранных представителей, которые, как и европейские, входили в противоречие с китайским дипломатическим церемониалом.

Цины упорно навязывали Русскому государству отношения в рамках традиционной даннической системы. Московское правительство, направляя своих послов в Китай, строго регламентировало их действия. Камнем преткновения был чуждый для западной дипломатии, унижительный для представителей суверенных государств церемониальный поклон “коуту”⁴, который послы должны были исполнять во время императорской аудиенции, и чего цинская сторона добивалась любой ценой.

Существенными были различия и в ценностных приоритетах во внешней политике России и Китая. Для России главной целью было развитие торгово-экономических связей, установление дипломатических отношений с Цинской империей. Маньчжурский императорский двор во главу угла ставил политические и пограничные интересы. Торговлю же цинские власти использовали как средство давления на Россию для достижения своих целей – тактических и стратегических.

Сложность установления дипломатических и торговых отношений с Цинской империей усугублялась еще и тем, что помимо китайского обыкновения⁵ не посылать

² Мясников В.С. Антология хитроумных планов. – *Зенгер Х. фон Стратагемы*, т. 1. М., 2004, с. 10. О стратагемности средневековой китайской дипломатии см.: *его же*. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980; *его же*. Договорными статьями утвердили: дипломатическая история русско-китайской границы. М., 1996.

³ Мясников В.С. Особенности становления договорных отношений России с Китаем. – Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916). М., 2004, с. 9.

⁴ “Коуту” – китайский дворцовый церемониал. Сложился еще в VII в. для приема послов сопредельных государств, находившихся в зависимом от Китая положении. С расширением внешних связей распространился на всех прибывавших в Пекин послов любых государств. Исполнять его должны были и китайские чиновники на приеме у императора. Во время исполнения “коуту” следовало, трижды став на колени, совершить по три земных поклона. Всего девять поклонов. Церемониал предусматривал также предварительную репетицию перед табличкой с именем императора или перед пустым тронem.

⁵ В официальных цинских документах часто используется ссылка на исторический прецедент, выраженный иероглифом “ли”. “В практике цинской дипломатии, – поясняет исследовательница Юй Цзе, – под словом “обычай” или “обыкновение” (ли) подразумевается тот или иной исторический прецедент, утвердившийся в официальном династийном историописании и тем самым обладавший законностью для тех или иных дипломатических или военных действий”. – *Юй Цзе*. Место Кяхтинского договора 1728 г. в становлении российского китаеведения. – *Проблемы Дальнего Востока*, 2007, № 4, с. 100.

своих людей за границу, Китай до середины XIX в. представлял собою государство, проводившее политику “закрытых дверей”, политику изоляции китайского общества от внешнего мира. Длительное искусственное вычленение страны из системы всемирных международных отношений вело к консервации архаических устоев феодального общества, отставанию Китая от всемирно-исторического развития⁶. Но это не влияло на субъективное представление цинских правителей о могуществе и исключительности своей империи. С годами эти факторы привели к ослаблению Китая, которое наиболее наглядно проявилось при первом же вооруженном столкновении со странами Запада во время опиумных войн 1840–1842 гг. и 1856–1860 гг.

Именно с такой дипломатией своего дальневосточного соседа пришлось иметь дело России, когда в XVII–XVIII вв. она вступила в межгосударственный диалог с Цинским Китаем, и на практике стала познавать специфику его внешнеполитической доктрины. Это был трудный процесс, протекавший от фактического незнания к постепенному взаимопониманию.

Тем не менее, даже на заре российско-китайских отношений и, тем более, в XVIII в. Россия при контактах с китайской стороной не допускала, чтобы ей отводилась роль вассала. Петербургские дипломаты доказывали словом и делом, что в данном случае контрагентом Цинской империи выступает равновеликое феодальное государство – Российская империя, в чем со временем убедились и сами цинские правители.

Контакты России с Китаем осуществлялись путем направления посольств. Наибольшую активность в этом проявляла Россия, снарядившая с начала XVII в. до середины XIX в. в Цинскую империю 18 дипломатических миссий разного уровня. До конца XVIII в. Россия была единственной из европейских стран, которая не только направляла в Китай посольства, но и принимала у себя посольства Срединной империи. В течение XVIII в. Россию посетило четыре китайских посольства. Правда, два из них были направлены не к русскому двору, а лишь проезжали по территории Русского государства к его подданным, волжским калмыкам, обосновавшимся в низовьях реки Волги⁷. Некоторые из послов соответствующих сторон в XVII–XVIII вв. удостоивались аудиенции у русских и цинских монархов. Более того, Россия была первым и единственным европейским государством, которое в конце XVII–XVIII вв. заключило с Китаем четыре договорно-правовых акта, определивших дальнейшее развитие российско-китайских отношений вплоть до середины XIX в.

Существенным препятствием на пути взаимного познания и сближения двух соседних государств был труднопреодолимый языковой барьер. В XVII–первой половине XVIII в. в России не знали китайского и маньчжурского языков, в Китае – русского. При переговорах пользовались сначала монгольским, а затем латинским языком, прибегая к помощи посредников – западных миссионеров, обосновавшихся в Китае еще в XVI в. Практика использования языка-посредника сохранялась до второй половины XVIII в., когда в роли переводчиков и письменных, и устных стали выступать ученики Российской духовной миссии (РДМ)⁸, а в XIX в. – студенты и другие светские ее члены. В даль-

⁶ О политике “закрытых дверей” см.: *Ху Сыюн*. Цин чао дэ бушань чжанцэ хэ мэньэйчжуи (Политика “закрытых дверей” и обскурантизм Цинов). – *Цзилинь шида сюэбао*, 1979, № 2; *Ипатов А.С.* Политика “закрытых дверей” Цинов: политика “самозащиты” или “самоубийства государства” (к постановке вопроса в современной историографии КНР). – *Всемирная история и Восток*. М., 1989, с. 242–251.

⁷ *Мороз И.Т.* О первом китайском посольстве в Москву (1729–1732 гг.). – *Раздвигая горизонты науки. К 90-летию академика С.Л. Тихвинского*. М., 2008, с. 167–190; *ее же*. Китайское посольство Тулишэня к калмыцкому хану Аюке на Волгу (1712–1715). – *Восточный архив*, 2009, № 2 (20), с. 28–39; *ее же*. Первое китайское посольство в С.-Петербурге (1732 г.). – *Восточный архив*, 2010, № 2(22), с. 19–26.

⁸ Российская духовная миссия в Китае, так называемая Пекинская миссия (1715–1954) – уникальное российское учреждение за рубежом. Основанная для духовного окормления плененных албазинцев и их потомков, она служила неофициальным дипломатическим представительством России в Китае, особенно в XIX в. В миссии велось изучение Китая, многие десятилетия она

нейшем модель взаимоотношений между Россией и Китаем менялась в зависимости от глобальных перемен и катаклизмов международного масштаба, а также радикальных внутренних революционных преобразований в каждой из сторон в первой половине XX в.⁹ Но мирный характер их отношений оставался неизменным. Такой уникальный исторический опыт заслуживает углубленного изучения, основанного на тщательной проработке и анализе мощного пласта документов для воссоздания объективной исторической картины развития русско-китайских отношений.

В отечественном китаеведении изучение российско-китайских отношений относится к числу приоритетных направлений, что определяется тесной взаимосвязью фундаментальной науки – китаеведения – с практическими потребностями российской дипломатии, национально-государственными интересами России. За прошедшие столетия российское китаеведение накопило солидный опыт в разработке этого направления, опубликовав многие документы и материалы, а также исследования по истории российско-китайских отношений.

Каждый исторический период в развитии России и Китая накладывал свой отпечаток на характер исследований о взаимоотношениях двух крупнейших соседних государств, определяя наиболее актуальные для того времени проблемы. Неизменным оставался принцип опоры на источники, которым всегда придавалось и придается первостепенное значение. И в XIX, и в XX вв. неоднократно предпринимались издания документов по истории российско-китайских отношений, в том числе, исходя из практических потребностей. Так, в предисловии к сборнику договоров России с Китаем, изданному МИД России в 1889 г., отмечалось, что "...настоящее издание было предпринято с целью одновременно удовлетворить, как потребностям нашей пограничной администрации и дипломатического представительства, так и справедливым вожелениям специалистов, труды коих по изучению Китая должны все более и более интересоваться русское общество ввиду постоянного развития сношений наших с этой страной"¹⁰.

Первыми письменными источниками по истории зарождения и становления русско-китайских отношений послужили отчеты посольств и миссий, направлявшихся Русским государством в Китай. Наибольший научный интерес среди них представляют "Роспись" томского казака И. Петлина (1618–1619), "статейные списки" (отчеты) послов Ф.И. Байкова (1654–1657)¹¹ и Н.Г. Спафария (1675–1677). В Русском государстве это были наиболее ранние описания Китая и ведущих к нему северных сухопутных маршрутов, проложенных русскими людьми. Особенно внимательно исследовалось делопроизводство посольств Ф.А. Головина (1686–1689) и С.Л. Владиславича-Рагузинского (1725–1728), заключивших первые договоры России с Китаем.

Труды первых русских китаеведов XVIII в., учеников РДМ – И.К. Россохина, А.Л. Леонтьева, П.И. Каменского, В.С. Липовцева и др., особенно их переводы китайских и маньчжурских источников на русский язык, создали солидную основу для формирования более адекватного стереотипа восприятия Китая в России. Благодаря этим переводам появилась возможность перейти к исследованию истории, языков и духовной культуры китайцев, маньчжуров и других народов в составе Цинской империи¹².

оставалась центром российского китаеведения. После учреждения в Пекине в 1861 г. Российской дипломатической миссии она сосредоточилась на миссионерской и научной деятельности. В 1922 г. перешла в подчинение Русской православной церкви за границей. В 1945 г. РДМ вернулась в введение Московской патриархии, а в 1954 г. была упразднена. Все имущество РДМ советское правительство безвозмездно передало частично правительству КНР, частично образованной в 1956 г. Китайской автономной православной церкви.

⁹ Мясников В. С. Особенности становления договорных отношений России с Китаем, с. 7–12.

¹⁰ Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881. СПб., 1889, б/п.

¹¹ Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае ("Роспись" И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова). М., 1966, с. 3–157.

¹² Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977, с. 14–88.

То обстоятельство, что изучение Китая российские китаеведы начали с интенсивных переводов китайских источников, в первую очередь классических трактатов и многотомных собраний документов по цинскому периоду, отвечало интересам зарождавшегося отечественного китаеведения и способствовало налаживанию контактов России с Цинским Китаем. На эту характерную черту российского китаеведения обратил внимание профессор Пекинского университета, специалист по российско-китайским отношениям Сюй Ваньминь. “Изучение памятников китайской культуры позволило русским ученым, – утверждал он, – овладеть огромным богатством знаний, дало им возможность соприкоснуться с самим духом китайской культуры, с квинтэссенцией ее богатейшего содержания и подняло на новый уровень значимость исследовательской работы”¹³.

Другой характерной чертой российского китаеведения, на которое обращают внимание практически все исследователи истории российско-китайских отношений и отечественного китаеведения, является его тесная связь с практическими национально-государственными интересами России, прежде всего ее внешней политики. Корифеем отечественного китаеведения, крупнейший специалист по истории русского китаеведения П.Е. Скачков дал развернутый анализ этой взаимосвязи. “Отличительной чертой китаеведения по сравнению с некоторыми другими востоковедческими дисциплинами, – отметил он, – являлась его связь с практическими нуждами внешней политики Российской империи и торговли в Китае. Эта прикладная сторона, в свою очередь, способствовала развитию отечественного китаеведения как научной дисциплины, помогала ему преодолевать в организационном плане косность бюрократической системы царизма, а в научном отношении – враждебное высокомерие немецких ученых в Академии наук”¹⁴. Таким образом, политика России в “делах китайских” получала научное обоснование.

По мере развития российско-китайских отношений, заключения все новых договоров и соглашений, активизации посольских связей и дипломатической переписки, возрастала потребность в публикации документов и материалов, отражавших характер и уровень взаимоотношений между Российской и Китайской империями.

Одним из первых, кто осознал необходимость издания наиболее полного собрания документов по истории российско-китайских отношений, был историк и археограф Н.Н. Бантыш-Каменский. По окончании Московского университета в 1762 г. в возрасте 26 лет он был определен на службу в Московский архив Государственной коллегии иностранных дел, где трудился всю свою жизнь, пройдя путь от хранителя до директора этого архива. Н.Н. Бантыш-Каменский создал целую серию сборников документов о взаимоотношениях России с различными странами Европы и Азии, в том числе и с Китаем. Труд “Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, составленное по документам и материалам, хранящимся в Московском Архиве государственной коллегии иностранных дел в 1792–1803 году Николаем Бантыш-Каменским” – наиболее полное на то время собрание документов и материалов по российско-китайским отношениям за первые 200 лет их истории. Документальная часть органично включена в исторический очерк автора и дополнена подробным научным аппаратом и приложениями. Этот новаторский во всех отношениях труд был завершен в 1792 г. Однако его издание затянулось почти на сто лет. В 1792 г. представленный министру иностранных дел графу А.А. Безбородко, он не был удостоен внимания. В 1803 г. автор снова представил свою работу министру иностранных дел А.Р. Воронцову, посвятив его Александру I. В награду автор получил бриллиантовый перстень, но разрешение на публикацию не было дано. Только в 1821 г. по ходатайству статс-секретаря И. Каподистрия Александр I высочайше соизволил дать разрешение на издание за счет государственной казны нескольких собраний документов Н.Н. Бантыш-

¹³ Сюй Ваньминь. Гуаньюй Цин цзи Эго ханьсюэ ши дэ цзи дьянь сыкао (Некоторые соображения относительно истории российского китаеведения периода правления династии Цин). – История и современное состояние китайско-российских отношений. Кайфэн, 2004, с. 62.

¹⁴ Скачков П.Е. Указ. соч., с. 88.

Каменского, в том числе и о взаимоотношениях России с Китаем. Однако и на этот раз издание не состоялось. Труд Н.Н. Бантыш-Каменского был издан лишь в 1882 г. в Казани.

Экземпляр рукописи, с которой было произведено издание, был случайно приобретен профессором Казанского университета, известным ученым-медиком, а позже основателем Томского университета, В.М. Флоринским в Петербурге на распродаже библиотеки одного из известных российских ученых. Экземпляр подлинный, о чем свидетельствуют исправления, сделанные Н.Н. Бантыш-Каменским, его собственноручные пометы, а также написанное им посвящение и некоторые акты в приложениях. Все листы рукописи были скреплены секретарем архива И. Ждановским, а на листах приложений прописано: “С подлинным свидетельствовал секретарь Михайло Шульц” или “секретарь Иван Ждановский”. Почерк автора и скрепы с подписями секретарей архива убеждают в подлинности опубликованного экземпляра труда Н.Н. Бантыш-Каменского. Профессор В.М. Флоринский включил в сборник собственные прибавления и аннотированный указатель имен.

Следствием договоров, заключенных Россией с Китаем во второй половине XIX в. явилась серия публикаций сборников договоров по истории российско-китайских отношений. Среди них: уже упоминавшийся “Сборник договоров между Россией и Китаем...” с параллельными текстами документов на русском и латинском языках. Сборники М. Венюкова “Старые и новые договоры России с Китаем” (СПб., 1863), Н. Балакшина “Трактаты России с Китаем” (Памятная книжка Западной Сибири на 1882 г. Омск, 1882), “Свод международных постановлений определяющих взаимные отношения между Россией и Китаем. 1689–1897” (СПб., 1900) и др. были пособиями для нужд работников министерства иностранных дел и различных торгово-экономических структур. В 1906 г. в Петербурге был издан МИД “Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905 гг.”, а в 1915 г. в Пекине Я. Брандтом – “Сборник трактатов России с Китаем (начиная с Кульджинского трактата 1851 г.)”.

В советское время продолжилась публикация документов и материалов по истории российско-китайских отношений. Расширились хронологические рамки и проблематика этого научного направления. Предметом исследования стали и взаимоотношения СССР с Китайской Республикой. В основном это были публикации в сборниках документов по международным отношениям и внешней политике дореволюционной России и Советского Союза¹⁵.

Созданный в 1956 г. Институт китаеведения АН СССР выпустил два сборника документов о взаимоотношениях нашей страны с Китаем¹⁶. В планах ученых была дальнейшая разработка этого направления. Однако закрытие института в 1960 г. не позволило исследователям осуществить намеченное.

Решение этой грандиозной задачи взял на себя созданный в 1966 г. Институт Дальнего Востока (ИДВ) АН СССР/РАН, продолжив начатую в Отделе истории Института экономики мировой социалистической системы АН СССР (руководитель отдела С.Л. Тихвинский) фундаментальную разработку этого направления, которая ведется по сей день. В 60-е годы XX в. эта источниковедческая работа оказала серьезную помощь МИД СССР в решении актуальных проблем современных советско-китайских отно-

¹⁵ *Гримм Э.Д.* Сборник материалов и других документов по истории международных отношений на Дальнем востоке (1842–1925). М., 1927; Внешняя политика СССР, т. 1–4. М., 1944–1947; Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны, т. 1–3. М., 1946–1947; Документы внешней политики СССР, т. 1–5. М., 1957; История дипломатии, в 5 т. М., 1959–1979; Внешняя политика России. XIX и начало XX века. Документы Российского Министерства Иностранных дел. М., 1963; Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939, т. 1–2. М., 1981; Международные отношения в Центральной Азии XVII–XVIII вв. Документы и материалы. М., 1989, и др.

¹⁶ Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М., 1958; Советско-китайские отношения. 1917–1957. М., 1959.

шений и получила его высокую оценку. Тогда и были заложены основы для будущей многотомной документальной серии “Русско-китайские отношения в XVII–XX вв.”.

Работа по созданию документальной серии о русско-китайских отношениях XVII–XX вв. ведется ИДВ РАН совместно с Историко-документальным департаментом МИД РФ и Федеральным архивным агентством. С 1992 г. в рамках научного проекта “Взаимоотношения России с Китаем в XVII–XX вв.”. С 1993 г. – при финансовой поддержке РГНФ. Руководитель проекта и всей серии – академик С.Л. Тихвинский, редактор томов (кроме XVII в.), автор, а по советскому периоду – соавтор, исторических предисловий, один из составителей и авторов комментариев – академик В.С. Мясников, заместитель руководителя проекта и руководитель сектора по подготовке к изданию документов по истории российско-китайских отношений А.С. Ипатова.

Работа над серией до лета 2012 г. велась в Центре “Россия-Китай” (руководители: академик В.С. Мясников, д.э.н. В.Я. Портяков, академик М.Л. Титаренко). Летом 2012 г. в результате реорганизации сектор был включен в состав Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией (руководитель д.и.н. Н.Л. Мамаева).

На протяжении всего этого времени работа ведется силами небольшого коллектива энтузиастов. Свой вклад в подготовку томов документальной серии внесли и опытные архивисты, специалисты по русской истории д.и.н. Н.Ф. Демидова, М.Б. Давыдова, к.и.н. А.И. Тарасова, и известные востоковеды к.и.н. Р.А. Мировицкая, к.филол.н. И.Т. Мороз, а также научная молодежь, впервые познакомившаяся с работой над архивными документами: А.Д. Воскресенский, ныне профессор, доктор политических наук, Н.Ю. Новгородская, Г.И. Саркисов, впоследствии кандидаты исторических наук, к.и.н. О.С. Артемьева, к.и.н. А.С. Ипатова, д.и.н. М.В. Крюков, с.н.с. Е.Н. Маркина, Т.М. Турчак, а также М.Л. Лаврова и Н.И. Гришина. На протяжении прошедших десятилетий состав группы периодически менялся, уходили одни, приходили и включались в работу над документами другие, в их числе Чрезвычайный и Полномочный посол, к.и.н. А.М. Ледовский, сделавший очень много для рассекретивания документов советского периода и подготовки томов по советско-китайским отношениям.

Главными вдохновителями разработки этого направления стали С.Л. Тихвинский и В.С. Мясников. Никто из участников проекта кроме академика С.Л. Тихвинского, руководившего в то время Историко-дипломатическим управлением МИД, до этого не имел опыта подготовки подобного рода многотомных изданий, охватывающих столь длительный исторический период. Требовались не только знания эпохи по каждому периоду истории России и Китая, знакомство с палеографией XVII и XVIII вв., умение ориентироваться в безбрежном море различных по характеру и значению архивных документов. Китаеведам необходимо было постигать вспомогательные исторические дисциплины – археографию, источниковедение, текстологию, овладевать правилами публикации исторических памятников. Как известно, комментирование исторических документов также требует широкой эрудиции, свободного владения специальной и справочной литературой, на русском, западных, восточных языках, прежде всего на старокитайском литературном – вэньяне и маньчжурском.

Все эти знания, навыки и опыт сотрудники, работавшие и работающие над документальной серией, постигали в процессе подготовки очередных сборников. К тому же у них были такие наставники, как В.С. Мясников, главный специалист по истории российско-китайских отношений, и прекрасный знаток русской истории XVI–XVIII вв. Н.Ф. Демидова, к сожалению, впоследствии перешедшая в Институт российской истории, но не порывающая связь со своими прежними коллегами. По прошествии нескольких лет группа подвижников-энтузиастов сформировалась в хорошо слаженный коллектив высококвалифицированных специалистов, о чем убедительно свидетельствуют изданные тома, получившие мировую известность и мировое признание.

За предшествовавшие столетия было опубликовано немало документов, относящихся к истории русско-китайских отношений. Но, как правило, это были публикации отдельных документов, либо сборники только договоров и соглашений, что не позво-

ляло в полной мере воссоздать взаимоотношения двух держав в развитии и отразить их специфику.

Для объективного освещения всей истории развития взаимоотношений России с Китаем в первую очередь было необходимо расширение ее источниковой основы. Для этого требовалось введение в научный оборот не просто отдельных, хотя и очень важных архивных документов, а систематизированного комплекса документов и материалов, расположенных в хронологической последовательности, начиная с самых ранних свидетельств о контактах между Русским государством и Китаем в начале XVII в.

Следовательно, необходимо такое собрание документов, которое позволит реконструировать на основе архивных источников всю историю русско-китайских отношений, что станет крупным событием в фундаментальной науке, с одной стороны, и вооружит отечественную дипломатию объективной, научно обоснованной аргументацией при решении территориально-пограничных и иных проблем, с другой.

К настоящему времени издано 10 томов по истории русско-китайских отношений в XVII–XX вв. (два из них в 2-х книгах) и четыре находятся в работе. Уже изданные тома охватывают, примерно, 180 лет из 400-летней истории русско-китайских отношений и содержат около 6 000 документов и материалов (в основном корпусе, приложениях и комментариях). Тома издаются в хронологической последовательности, но по мере их готовности иногда в свет выходят, обгоняя других, документы более поздних периодов.

Настоящее издание, в отличие от предыдущих, содержит не только документы о важнейших событиях (посольства, заключение договоров и соглашений, их тексты), но и освещает менее яркие, хотя порою не менее значимые эпизоды, дипломатическую переписку, что способствует воссозданию отношений в максимальной полноте и развитии.

Все тома серии – это звенья одной большой цепи. Вместе с тем каждый том тематически привязан к определенному событию в истории русско-китайских отношений, поэтому одновременно представляет собою и самостоятельное издание. Подробные историческое предисловие и археографическое введение к каждому тому, вместе с приложениями, географическим и аннотированным именованным указателями, терминологическим словарем и подробными комментариями, нередко включающими в себя целые документы, не вошедшие в основной корпус, дают наиболее полное представление о состоянии русско-китайских отношений на определенном этапе их развития.

История русско-китайских отношений представлена в вышедших томах в тесной взаимосвязи с процессом освоения русскими земель Сибири и Дальнего Востока и выхода России к берегам Тихого океана. Не осталась без внимания и реакция Западной Европы на политику Русского государства, России в Восточной Азии, прежде всего благодаря включению в издание оригинальных документов западноевропейской дипломатии в переводе с французского, английского, голландского, немецкого, латинского. В томах помещены также переводы документов с маньчжурского, китайского и монгольского языков. Все переводы выполнены на высоком профессиональном уровне с учетом языка и реалий соответствующей эпохи.

Хронологически серия охватывает историю взаимоотношений России с Китаем, со времени их возникновения в начале XVII в. и до февраля 1950 г. и объединена общим названием “Русско-китайские отношения в XVII–XX вв.”, но структурно поделена на века, в пределах которых нумеруются тома с уточнением хронологических рамок каждого. Все тома подчинены единой композиции, единым правилам публикации исторических памятников.

Изданные документы отражают все особенности развития взаимоотношений двух соседних государств. Подавляющее большинство из них впервые вводится в научный оборот, либо впервые публикуется в полном объеме или в нескольких вариантах и переводах, если таковые выявлены. Исключение составляют документы, значительная часть текста которых не относится к тематике данного тома.

К сожалению, документов и материалов по русско-китайским отношениям в XVII в. сохранилось в отечественных архивах мало, особенно по начальному периоду их исто-

рии. Причин тому несколько: Посольский приказ, где хранились основные документы по внешним связям России, горел в 1626 г. и 1701 г. Большой урон нанес ему и пожар 1812 г. Хронологически пробелы местами составляют несколько десятков лет.

В КНР документов по русско-китайским отношениям первой половины XVII в., видимо, не сохранилось, так как архивы Цинской династии дважды горели: в 1860 г. и в 1900 г., т.е. во время второй опиумной войны (1856–1860) и восстания ихэтуаней 1898–1900 гг. (боксерское восстание). Тем ценнее уцелевшие и дошедшие до нас свидетельства первых контактов Русского государства с Китаем.

В первый том по XVII в.¹⁷ вошли документы первых русских посольств в Китай, начиная с миссии И. Петлина и заканчивая посольством Н.Г. Спафария, а также документы о присоединении к Русскому государству Забайкалья и Приамурья и хозяйственном освоении их русскими людьми, противодействии этому процессу цинской стороны, переросшему в военные действия цинских войск за овладение Албазинским острогом (1685).

Этот период характеризуется накоплением знаний о Китае и первыми попытками Русского государства установить дипломатические отношения со своим восточным соседом. Наиболее ценными для изучения Китая оказались отчеты (статейные списки) посольств, начиная с “Росписи” И. Петлина.

По возвращении из Китая в 1619 г. И. Петлин составил чертеж маршрута и написал отчет о поездке, озаглавленный “Роспись Китайскому государству и Лобинскому, и иным государствам, жилым и кочевым, и улусам, и великой Оби, и рекам, и дорогам”, содержащий ранее не известные сведения и служивший подробным дополнением к чертежу, который не сохранился.

“Роспись”, написанная сибирским казаком-землепроходцем, несмотря на ее небольшой объем, по наполненности материалом, точности оценок и четкости изложения вполне соответствовала уровню отчета дипломатического посла того времени. В нее вошло подробное описание пути следования, всего, что подмечал зоркий глаз первопроходца, что видели и слышали члены миссии в дороге и в Пекине, наиболее важные моменты встреч с китайскими чиновниками. И. Петлин отмечал все, что могло иметь интерес для Русского государства, различия и сходства с привычными для русских реалиями. “Роспись” изобилует этнографическими зарисовками: быт китайцев, их одежда, внешний вид, характер, архитектура городов, торговля и др. И это притом, что в Пекине он пробыл всего четыре дня. Приближение холодов заставило миссию поспешить с отъездом. Не менее точно описан путь миссии через Монголию.

“Роспись” И. Петлина по сути дела стала первым российским дипломатическим документом в истории русско-китайских отношений и вместе с тем первым отечественным источником для фундаментальной науки, занимающейся изучением этих отношений, равно как и самого Китая, первым документальным памятником выдающегося географического открытия. Московское правительство старалось сохранить втайне этот документ, как и сам факт открытия сухопутного пути в Китай. Тем не менее, англичане сумели достать копию “Росписи” и переправить ее в Лондон, где она была впервые опубликована в 1625 г., т.е. спустя всего шесть лет после ее составления. В течение XVII–XVIII вв. “Роспись” выдержала семь изданий в Европе, более того в начале XX в. к ней снова обратились ученые и “Роспись” И. Петлина была дважды переиздана. В России “Роспись” И. Петлина впервые увидела свет двести лет спустя после ее составления¹⁸.

¹⁷ Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. Т. 1. 1608–1683. Отв. ред. С.Л. Тихвинский; ред. Л.И. Думан; сост.: В.С. Мясников, Н.Ф. Демидова; ист. предисл. В.С. Мясникова; археогр. введ. и археогр. обработка текстов Н.Ф. Демидовой; коммент. В.С. Мясникова, Н.Ф. Демидовой; терминолог. слов. В.С. Мясникова, Н.Ф. Демидовой, И.Т. Мороз; указатели А.И. Васиной. М., 1969.

¹⁸ Подробно об изучении “Росписи” и самой миссии см.: Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Указ. соч., с. 11–40.

Включена в первый том по XVII в. и переданная с И. Петлиным грамота китайского императора Минской династии Чжу Ицзюня (1563–1620) русскому царю Михаилу Федоровичу Романову. Хотя это послание и ранее публиковалось в России, а также в Англии и Китае, составители сочли необходимым включить его в том, так как оно важно для воссоздания полноты картины исторического развития русско-китайских отношений, будучи первым свидетельством дипломатической переписки между Китаем и Россией. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что грамота была составлена не в ответ на соответствующее послание русского царя, а по инициативе самого китайского императора и к тому же передана через “посла”, который прибыл в Пекин без подарков и грамоты от русского царя и не был принят императором. Этот первый документ китайско-русской дипломатической переписки, отразил интерес минского двора к Русскому государству, совершенно незнакомому ему, но с которым Китай желал жить в мире и торговать. Грамота небольшая по объему, и представляется возможным привести в обзоре ее текст полностью:

“Валли¹⁹ китайский царь. Из Руси де приехали два человека, и Валли китайский царь говорил им, русским людям, что с торгом приходите и торгуйте, и выходите, и апять приходите. На сем свете ты, великий государь, и я, царь, не мал, чтоб меж нами дорога чиста была, сверху и снизу ездите, и что доброе самое привезете и я против того камками добрыми пожалую вас. И ныне вы назад поедите. И коли опять сюды приедите и как от великого государя люди будут, и мне бы от него, великого государя, лист привезли, и против твоего листа и я буду лист посылать. И как листы от вас будут, и я с великого честию велю принять и людей взять. А мне к вам, великому государю, своих послов посылать нельзя, что путь дальний и языка не знают. И от меня ныне к вам, великому государю, челобитье, и бью челом тебе, великому государю. Только бы к тебе, великому государю, моим послом путь был, и я бы к вам послал своих послов. И я по своей вере, царь, ни сам из государства не выезжаю, и послов своих и торговых людей не выпускаю. А как лист писан и тому 56 лет” (с. 71–72, док. № 24)²⁰. И по стилю, и по содержанию грамота минского императора разительно отличается от грамот (листов), направлявшихся впоследствии цинскими императорами русским монархам, выдержанных, нередко, далеко не в дипломатических тонах. К сожалению, из-за отсутствия в Русском государстве людей, знающих китайский язык, содержание грамоты Чжу Ицзюня стало известно русскому правительству лишь через 57 лет²¹, когда в Китае уже правила Цинская династия.

В первый том вошли также документы, связанные с организацией посольств в Китай как направлявшихся московским правительством (Ф.И. Байков, Н.Г. Спафарий и др.), так и сибирскими властями (И.М. Милованов и др.).

Особую группу составляет переписка сибирских властей с воеводами и первопрородцами, обосновавшимися в Приамурье, и переписка сибирских властей с московским правительством, информирующая его о критическом положении русских поселений на Амуре и содержащая просьбу о помощи, необходимой для укрепления русских позиций в Приамурье. Именно по этим документам особенно отчетливо прослеживается нарастание агрессивности цинской стороны. Локальный конфликт грозил перерасти в более масштабные военные действия в районе, где позиции Русского государства были еще слабы.

По документам первого тома отчетливо прослеживается нарастание агрессивности цинской дипломатии по отношению к Русскому государству во второй половине XVII в.,

¹⁹ Искаженная транскрипция Ваньли – девиз годов правления Чжу Ицзюня.

²⁰ См. также: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч., с. 7; *Арсеньев Ю.В.* Статейный список посольства Н. Спафария в Китай. СПб., 1906, с. 7.

²¹ Перевод грамоты был сделан в 1679 г. китайцем в г. Тобольске по поручению Н.Г. Спафария, направлявшегося с посольством в Китай. Переводчик допустил ошибку, считая, что она была составлена в 1619 г. Однако И. Петлин находился в Пекине не в 1619, а в 1618 г. Подлинник грамоты не сохранился.

действовавшей в соответствии с разрабатывавшейся Цинами стратегией использования военного фактора для овладения Приамурьем. Как средство давления на московское правительство наряду с неоднократным прекращением на длительные сроки торговых связей, они использовали требование о выдаче им эвенкийского князя Гантимура, который первым из местных князей принял русское подданство и откочевал вместе со всем своим улусом в пределы Русского государства. Его примеру последовали и некоторые другие князья. Длительное и настойчивое требование выдачи Гантимура, продолжавшееся и даже после его смерти, было обусловлено не только беспокойством за престиж Цинской империи, хотя этот момент, безусловно, присутствовал. Нагнетание дипломатического конфликта вокруг истории с Гантимуром Цины использовали в качестве прелюдии к переходу в нужный момент к активным боевым действиям по вытеснению русских с берегов Амура.

Апогеем дипломатии давления стал провокационный демарш, устроенный русскому послу Н.Г. Спафарию перед его отъездом из Пекина. Ему были предъявлены три условия, без выполнения которых русской стороной цинское правительство отказывалось устанавливать дипломатическую переписку, принимать послов, гонцов, купцов из России. Требования заключались в следующем: “1-е, чтоб Гантимура послал сюды с послом своим; 2-я, чтобы тот посол был самой разумной и чтоб он делал все, что прикажем по нашему обычаю, и ни в чем не противился; 3-я, чтобы все порубежные места, где живут вашего великого государя порубежные люди, жили всегда с миром” (с. 44, док. № 183, стат. список).

Столь жесткий ультиматум был предъявлен Цинами Русскому государству в то время, когда они сами еще не были готовы перейти к применению вооруженной силы. По сути дела, это была дипломатическая провокация: выдадут Гантимура – проявят слабость, откажутся – вина за военные действия ляжет на русских.

Второй том по XVII в.²² полностью посвящен важнейшему событию в истории российско-китайских отношений заключению Нерчинского договора 1689 г., мирным путем разрешившего вооруженный конфликт в Приамурье. В результате сложных и многотрудных переговоров, проходивших буквально под угрозой применения вооруженной силы со стороны цинских войск, прибывших в Нерчинск для подкрепления позиции цинских переговорщиков, а также благодаря помощи миссионеров-иезуитов, выступавших в роли переводчиков и консультантов, цинской стороне удалось навязать русскому послу договор на крайне невыгодных для Русского государства условиях. Не последнюю роль в этом сыграла и до предела напряженная обстановка в Москве. Главный документ тома – “Статейный список” посла Ф.А. Головина, главы делегации Русского государства на переговорах, подписавшего первый в истории взаимоотношений России с Китаем договор (с. 69–641). Договор был составлен на трех языках – русском, латинском и маньчжурском. Однако русский экземпляр договора, переданный Ф.А. Головиным маньчжурской делегации при размене текстами договора, по всей вероятности, утрачен и в последующих публикациях использовались копии XVIII в. и текст договора, включенный Ф.А. Головиным в “Статейный список”. В дореволюционных публикациях хрестоматийным считался маньчжурский текст. В сборнике впервые опубликован перевод *подлинника* маньчжурского текста (в переводе В.С. Мясникова), хранящегося в Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ. Одновременно была произведена сверка его с текстом, публиковавшимся ранее. Поскольку неидентичность разноязычных текстов Нерчинского договора, местами весьма существенная, послужила причиной разнотолков и дискуссий, то составители тома сочли целесообразным опубликование факсими-

²² Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. Т. 2. 1686–1691. Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. тома Л.И. Думан; сост.: В.С. Мясников, Н.Ф. Демидова, И.Т. Мороз; ист. предисл. В.С. Мясникова; археогр. введ. и археогр. обработка текстов Н.Ф. Демидовой, В.С. Мясникова; коммент. В.С. Мясникова, Н.Ф. Демидовой, И.Т. Мороз; перевод с франц. М.И. Казанина, с кит. – Г.В. Мелихова; указатели А.И. Васиной. М., 1972.

ле подлинников латинского и маньчжурского текстов, а русского – копии XVIII в. (с. 645–659).

Статейный список Ф.А. Головина опубликован впервые в полном объеме. До этого он был известен по кратким аннотациям и изложению, а также использовался исследователями фрагментарно по тематике их работ.

Нерчинский договор нанес ощутимый ущерб Русскому государству: отторжение части земель в Приамурье, потеря до середины XIX в. (Айгуньский договор 1858 г.) свободного судоходства по Амуру и выхода в Тихий океан. Вместе с тем договор, несмотря на его несовершенство, сформулировал основополагающие принципы мирного добрососедства: “мир вечный”, “предаются вечному забвению” все прежние ссоры и конфликты, спорные пограничные вопросы решаются мирным путем. Договор предусматривал свободу передвижения в “земли обеих держав” при наличии охранных грамот, свободу “обоюдной торговли” (с. 645–646).

Взаимоотношения России с Цинским Китаем после заключения Нерчинского договора и особенно с наступлением XVIII в. заметно отличались от того, что происходило в XVII в. Россия и Китай не стремились переводить сложившиеся после Нерчинского договора мирные отношения в русло военных действий. Разграничение территорий также происходило мирным путем, путем дипломатических переговоров и заключения договоров. И в этом принципиальное отличие от формирования границ в других странах, где оно происходило, как правило, вооруженным путем, путем захвата чужих территорий.

Наблюдается постепенный отход цинского правительства от политики жесткого китаецентристского диктата, признание сначала на практике, а затем и юридически необходимости строить отношения с Россией с учетом относительного равенства сторон, хотя в понятие равенства каждая из сторон вкладывала свое представление. Развивались торговые связи, происходил обмен посольствами.

В нарушение традиционного обычая никого не выпускать за пределы Китая цинский двор в 1712 г. снарядил посольство, известное по имени одного из послов как посольство Тулишэня, к калмыкам, обитавшим в низовьях р. Волги, чтобы склонить Аюка-хана к участию в войне Цинов против Джунгарии. Путь следования посольства проходил по землям Русского государства, а, следовательно, требовалось на то разрешение русского правительства. В качестве ответной любезности на его согласие император Сюань Е удовлетворил многолетнюю просьбу российской стороны о постоянном нахождении в Пекине РДМ, которая прибыла в китайскую столицу вместе с возвращавшимся цинским посольством в конце 1715 или начале 1716 г. Этому важному событию в истории российско-китайских отношений в первом томе по XVIII в. уделено большое внимание и в историческом предисловии, и в основном корпусе документов, и в приложениях (т. 1, с. 437–486)²³.

Россия, в свою очередь, тоже шла на определенные уступки относительно титулования монархов, а также исполнения послами китайского церемониала. Наиболее показательным в этом отношении был прием в Пекине посольства Л.В. Измайлова (1719–1721), первого после заключения Нерчинского договора²⁴. Направляя в Пекин посланника Л.В. Измайлова, Петр I не написал свой титул на грамоте китайскому императору, а лишь поставил подпись: “Приписано собственною его царского величества

²³ Подробнее о посольстве см.: *Тихвинский С.Л.* Восприятие образа России в Китае. М., 2008, с. 17–23; *Мороз И.Т.* Китайское посольство Тулишэня к калмыцкому хану Аюке на Волгу (1712–1715). – Восточный архив, 2009, № 2 (20), с. 28–39.

²⁴ Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы. Т. 1. 1700–1725. Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. тома и автор ист. предисл. В.С. Мясников; археогр. введ. Н.Ф. Демидовой. Археогр. обраб. текстов – М.Б. Давыдовой, Н.Ф. Демидовой. Сост.: В.С. Мясников, Н.Ф. Демидова. Коммент. В.С. Мясникова, Н.Ф. Демидовой, И.Т. Мороз. Перевод с кит. яз. – Н.Е. Кондратьевой, В.С. Мясникова, с латин. – Ю.М. Когана, с немец. – Т.К. Шафрановской, с маньж. – И.Т. Мороз. М., 1978.

рукою: Петр” (с. 187–188, док. № 145. Публикуется впервые). Таким образом, он снял вопрос о титуловании, и тем самым посланник получил возможность исполнить обряд “коуту”. Детально проработанная и хорошо организованная подготовка посольства, в которой, несмотря на войну со Швецией, принял участие Петр I, предвещала успех российской дипломатии на восточном направлении.

Как описывал Л.В. Измайлов в “Статейном списке”, впервые опубликованном в первом томе по XVIII в. (с. 195–278, док. № 151), во время второй аудиенции император Сюань Е со словами, “что он хотя имел и имеет древние законы ни у каких чужестранных послов или посланников грамот не принимать, однакож ныне, почитая императора российского, как своего равного друга и соседа и для дружбы его величества, оставя прежние законы, грамоту из рук от посланника его сам примет” (с. 224, док. № 151). В “Статейном списке” русского посланника содержатся и другие не менее удивительные примеры нарушения традиционного церемониала при общении цинского императора с ним. Всего состоялось 12 аудиенций, о которых посланник подробно написал в отчете.

Но в удачно складывавшийся ход переговоров и бесед вмешалось непредвиденное событие – переход большой группы монголов в 700 человек на территорию России с просьбой принять их в подданство российского императора. И отношение к послу, к просьбам и предложениям российской стороны резко изменились. Цинские власти требовали от Л.В. Измайлова, чтобы тот послал от себя к пограничным комендантам и велел тех беглецов, сыскав, отдать. “А ежели оно не учиню, то и на мои предложения никакого решения делать не хотели. На что ответствовал, что я прислан не для тех дел. Потом требовали, чтоб о тех беглецах известить сибирского губернатора и с тем бы послать нарочного. И по тому их требованию отправлен из Пекина от гвардии солдат с письмом до губернатора февраля 12 дня” (с. 310–311, док. № 186). И только после того как солдат покинул Пекин, Цины дали согласие оставить торгового агента Л. Ланга в Пекине, как потом выяснилось, лишь до следующего торгового каравана, а задерживаемый цинскими властями на границе долгое время очередной караван пропустили в Пекин (Реляция Л.В. Измайлова от 18 мая 1721 г. (с. 310, док. № 185. Публикуется впервые)). Это событие подробнейшим образом описано в “Статейном списке” российского посланника (с. 245–265).

Документальная база российско-китайских отношений в XVIII в. в отличие от XVII в., сохранилась до нашего времени значительно лучше. XVIII в. в документальной серии должен быть представлен семью томами, четыре из которых уже изданы, а остальные три находятся в стадии подготовки.

Интерес представляют также второй²⁵ и третий²⁶ тома “Русско-китайских отношений в XVIII веке”. В них включены уникальные архивные документы и материалы, отражающие подготовку посольства С.Л. Владиславича-Рагузинского в Пекин (1725–1728), его пребывание на китайской территории, помещены также отчеты о результатах деятельности посольства в Китае и заключении Буринского, а затем и Кяхтинского договоров 1728 г. (т. 3, с. 84–86, док. № 41, с. 187–192, док. № 64).

²⁵ Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы. Т. 2. 1725–1727. Отв. ред. С.Л. Тихвинский; ред., автор ист. предисл. В.С. Мясников; археогр. введ. А.И. Тарасовой; сост.: Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников, А.И. Тарасова; коммент. В.С. Мясникова, Н.Ю. Новгородской, В.А. Тарасова, А.И. Тарасовой. Перевод дат кит. календаря Н.Ф. Демидовой, А.И. Тарасовой. Терминолог. слов. В.Н. Тарасова, его оформление Н.Ю. Новгородской, Г.И. Саркисовой; указатели В.Н. Тарасова; технич. оформл. рукописи Н.А. Гайдамаки, Е.Л. Гришиной, М.Л. Лавровой, Н.Ю. Новгородской, Г.И. Саркисовой. М., 1990.

²⁶ Русско-китайские отношения в XVIII веке: документы и материалы. Т. 3. 1727–1729. Отв. ред. С.Л. Тихвинский; ред., автор ист. предисл. В.С. Мясников; археогр. введ. А.И. Тарасовой; сост.: Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников, А.И. Тарасова; коммент. В.С. Мясникова, Н.Ю. Новгородской, В.Н. Тарасова, А.И. Тарасовой; перевод с кит. А.Д. Воскресенского, Н.Е. Кондратьевой, В.С. Мясникова. Прилож. 2: В.С. Мясников. Старинная русская карта в Пекинском архиве. М., 2006.

В XVIII в. Россия и Китай заключили три договорно-правовых акта, центральное место среди которых занимает Кяхтинский договор. Главным творцом этого договора был чрезвычайный посланник и полномочный министр, граф Иллирийский С.Л. Владиславич-Рагузинский, один из наиболее опытных и талантливых дипломатов петровской эпохи. Кяхтинский договор кардинально отличается от Нерчинского с точки зрения уровня договорно-правового документа, хотя их разделяет всего 39 лет. За исключением некоторых вставок, на которых настояли цинские министры, вроде таких как “посол российский Иллирийский граф Сава Владиславич хочет” (ст. 5) или “российский посол Сава Владиславич Иллирийский граф ответственал”, “на сие китайские вельможи говорили” (ст. 7), “как российский посол Сава Владиславич, Иллирийский граф решил, так утверждено” (ст. 9) и т.п., по форме он вполне соответствовал европейскому стандарту того времени. В заключении договора были заинтересованы обе стороны: китайская стремилась к скорейшему разрешению пограничного вопроса на монгольском участке, русская, как и прежде, была заинтересована в благоприятном решении торговых и дипломатических проблем.

При обсуждении вопроса о разграничении русский посол в ответ на необоснованные требования цинских переговорщиков, выдвинул принцип “каждый владеет тем, чем владеет теперь”. Правда, по обоюдному согласию в ходе переговоров на границе был произведен обмен некоторыми участками приграничных территорий, что нашло отражение в прелиминарном Буринском договоре от 20 августа 1727 г. (с. 84–86, док. № 41), который затем был включен отдельной статьей (ст. 3) в Кяхтинский договор.

По ряду вопросов С.Л. Владиславичу все-таки пришлось пойти на уступки цинской стороне. Главным из них был вопрос о взаимном титуловании русского царя и богдыхана в грамотах. Китаецентристское мировоззрение не позволяло Цинам признать равенство монарха любого другого государства с цинским императором. В Нерчинском договоре этот вопрос не нашел отражения и до заключения Кяхтинского договора не было единообразия в титуловании, употреблявшемся в русско-китайской официальной переписке.

Во время переговоров с С.Л. Владиславичем-Рагузинским цинские дипломаты потребовали, чтобы в переписке с Россией писать имя их императора выше (в вертикальном письме) имени российского. Чтобы найти выход из тупиковой ситуации, российский посол предложил вести переписку от имени российского Сената и тобольского губернатора, с российской стороны, и Палаты (Трибунала) внешних сношений (Лифаньюань) и ургинских пограничных чиновников – с китайской, что и было записано в статье 6-й Кяхтинского договора. Однако и такое решение не отражало равноправия сторон, так как эти два правительственных учреждения (Сенат и Лифаньюань) находились на разных ступенях в иерархии государственной власти.

Цины продолжали относиться к России в межгосударственных отношениях не как к равному себе партнеру, несмотря на все заверения в дружбе. Такая позиция нашла свое отражение и в Кяхтинском договоре, помимо титулования она касалась и торговли. Статья 4-я регламентировала сроки прибытия русских торговых караванов в Пекин, их численный состав (не более 200 человек).

Статья 5-я договора, официально закрепившая постоянное пребывание в Пекине РДМ (см. примеч. 8) и о нахождении при ней русских учеников, была включена в договор по настоятельному требованию С.Л. Владиславича. Это был дальновидный шаг русского дипломата, он в договорном порядке закрепил идею Петра I о необходимости изучения русскими официальных языков Цинского Китая. Так было положено начало российскому китаеведению. Миссия дала науке выдающихся ученых-востоковедов.

Как и Нерчинский договор, Кяхтинский был составлен на русском, латинском и маньчжурском языках, тексты которых также содержат разночтения, обнаруженные вскоре после его заключения. В сборнике публикуется русский текст договора²⁷.

²⁷ Подробный разбор разночтений см.: Русско-китайские договорно-правовые акты, с. 592–593.

Кяхтинский договор вошел в историю русско-китайских отношений как договорно-правовой акт, до 50-х годов XIX в. определявший их развитие.

Пребывание посольства С.Л. Владиславича-Рагузинского в Китае наиболее продолжительное – с 1726 по 1728 гг., что было вызвано несовпадением ценностных приоритетов сторон: посол настаивал на первоочередном решении вопроса о торговле, о пропуске каравана, которого уже не один год задерживали китайские пограничные власти. Россия была заинтересована и в установлении дипломатических отношений с Цинским Китаем на основе равенства сторон.

Китайская сторона настаивала на первоочередном решении территориально-пограничных проблем, в зависимости от удовлетворения которых ставила решение всех остальных проблем. К этому следует добавить практически полную изоляцию посольства от России и внешнего мира. Все это было продиктовано стремлением с позиции силы (все переговоры шли на китайской территории) навязать России неприемлемые для нее условия договора.

В “Статейном списке” С.Л. Владиславича-Рагузинского²⁸ подробно, в деталях, день за днем описан переговорный процесс, все 58 раундов его, длившихся три года, аудиенции у цинского императора, деятельность посла по организации пунктов торговли на границе, определенных Кяхтинским договором, и многое другое. Вместе с тем русский посол детально описал в “Статейном списке” практику использования различных тактических приемов вплоть до демарша обеих сторон, механизмов различных средств давления на него цинских министров, с одной стороны, и свои ответные действия, твердую, непреклонную позицию, с другой, увенчавшуюся первой внушительной победой российской дипломатии на дальневосточном направлении. С.Л. Владиславич-Рагузинский был первым иностранным дипломатом, разгадавшим стратегию характер традиционной китайской дипломатии, что позволило ему успешно противостоять ухищрениям, уловкам, обману цинских переговорщиков и императорского двора.

В “Статейном списке” раскрыт весь арсенал средств, которые цинская сторона использовала для давления на российского посла: осада Посольского двора, временное прекращение предоставления продуктов питания, постоянный запрет свободно выезжать за пределы Посольского двора во время переговоров, проходивших в Пекине, и не менее сложно, с постоянными угрозами, ультиматумами и обманом со стороны цинских участников переговоров на границе. “Статейному списку” отведен весь четвертый том по XVIII в., который в настоящее время находится в стадии подготовки²⁹.

Пятый том³⁰ тоже еще не издан и находится в работе. Он посвящен двум цинским посольствам, к русскому двору и одному к калмыцкому хану, российскому подданному, направленным в 30-х годах XVIII в. в Россию. Эпизод уникальной в истории русско-китайских отношений, значение которого трудно переоценить: цинский двор снова после посольства Тулишэня пошел на нарушение традиционного обычая не выпускать за границу своих подданных. Более того, послам разрешалось в случае, если состоится аудиенция у императора, совершить принятый в России церемониал. Но послы исполнили “коутоу”, не решаясь отступить от своих традиций. Это были первые

²⁸ Подробнее о статейном списке см.: *Ипатова А.С.* Посольство С.Л. Владиславича-Рагузинского по материалам его “Статейного списка” (1725–1729). – Китай в мировой политике (1911–2011 гг.): тезисы докладов XIX Международной научной конференции “Китай, китайская цивилизация и мир”. М., 2011, с. 30–33.

²⁹ Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 4. Статейный список С.Л. Владиславича-Рагузинского. 1725–1730, в 2-х кн. Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников; сост. А.С. Ипатова, В.С. Мясников; ист. предисл. В.С. Мясникова, А.С. Ипатовой; археогр. введ. и археогр. обраб. текстов А.С. Ипатовой; коммент. А.С. Ипатовой, В.С. Мясникова.

³⁰ Русско-китайские отношения в XVIII веке: документы и материалы. Т. 5, в 2-х кн. Китайские посольства в Россию. 1729–1733. Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников; ист. предисл. В.С. Мясникова, И.Т. Мороз; археогр. введ. и археогр. обработка текстов И.Т. Мороз; сост. И.Т. Мороз, В.С. Мясников; коммент. И.Т. Мороз, В.С. Мясникова.

в истории Китая официальные посольства в европейское государство. Поводом для отправления в 1729 г. первого из них стало поздравление Петра II с восшествием на российский престол. Вместе с ним направлялось еще одно посольство к калмыцкому хану (первое состоялось в 1712 г.). Оба посольства посетили Москву, где в то время находилась, вступившая на престол императрица Анна Иоанновна, которая приняла их в Московском Кремле.

Главная цель посольства в Москву заключалась в том, чтобы выяснить отношение России к войне Цинского Китая с соседней Джунгарией и по возможности добиться согласия российского правительства на привлечение калмыков к этой войне. Взамен цинский двор обещал в случае победы уступку части территории Джунгарии. На оба вопроса российская сторона дала отрицательный ответ.

До возвращения посольств в Пекин цинский двор направил в Россию еще одно посольство для поздравления императрицы, вручения подарков и заверения ее в стремлении цинского императора жить в мире и дружбе с Россией. Также как и первое посольство, оно было принято торжественно и гостеприимно. Послов познакомили с достопримечательностями Петербурга, а на обратном пути и Москвы.

Посещение китайскими посольствами российских столиц, проезд по бескрайним просторам России, где в каждом городе их принимали радушно и почтительно, способствовало укреплению добрососедских связей России и Китая, лучшему знакомству с экономикой, культурой и укладом жизни населявших ее народов. Этот важный эпизод из истории российско-китайских отношений, слабо изученный в отечественной и мировой науке, представлен в томе в деталях и на широком фоне развития взаимоотношений между Россией и Цинским Китаем, включая состояние российско-китайской торговли и вопросов о перебежчиках. Том состоит в основном из не опубликованных ранее архивных документов.

Шестой том издан³¹. Он посвящен двум миссиям в Пекин российских дипломатических курьеров В.Ф. Братищева (1757) и И.И. Кропотова (1762–1763). Направление миссий было вызвано необходимостью решения накопившихся к середине 50-х годов XVIII в. проблем. Воинственный внук Сюань Е император Хун Ли (1711–1799), завершив победоносные военные походы против Джунгарии и Кашгарии, еще больше утвердился в могуществе Цинов. После побега в Россию лидера антимаңчжурского восстания Амурсаны (1722–1757) обострился конфликт по поводу перебежчиков. Отступая от статьи 10-й Кяхтинского договора, в России не казнили перебежчиков и не выдавали их китайским пограничным властям. Китайская сторона поступала также, но российское правительство не придавало этому особого значения. Цинские власти, стремясь воздействовать на российское правительство, неоднократно и на длительные сроки в одностороннем порядке прерывали торговлю. Цинский император даже позволял себе в официальной переписке с российской императрицей писать “с великой грубостью и досадительными нареканиями”³².

Россия в тот период активизировала свои действия по экономическому освоению и новому административному устройству Восточной Сибири. Главное место в дальневосточной политике российского правительства тогда занимало изучение и освоение северо-восточного региона Азии и связанных с этим морских путей. В начале 50-х годов XVIII в. назрела острая необходимость организации Второй Камчатской экспедиции. Для успешного ее проведения необходимо было свободное судоходство по р. Амур. В середине 50-х годов XVIII в. Россия обратилась к цинскому правительству с пред-

³¹ Русско-китайские отношения в XVIII веке: документы и материалы. Т. 6. 1752–1765. Отв. ред. С.Л. Тихвинский; ред., автор ист. предисл. В.С. Мясников; археогр. введ. и археогр. обраб. текстов Г.И. Саркисовой; сост.: В.С. Мясников, Г.И. Саркисова; коммент. В.С. Мясникова, Г.И. Саркисовой, А.С. Ипатовой; прилож. Г.И. Саркисовой; терминолог. слов. Г.И. Саркисовой, А.С. Ипатовой; указатели Г.И. Саркисовой, О.В. Сидориной, Т.М. Турчак. М., 2011.

³² Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 г. М., 1875, с. 261.

ложением превратить Амур в реку, открытую для плавания русских и китайских судов. Для решения изложенных выше проблем в 1756 г. российский Сенат направил в Пекин курьера В.Ф. Братищева, поручив ему передать цинскому правительству лист с просьбой о пропуске русских судов по Амуру с провиантом для Охотского и Удского острогов (с. 63–65, док. № 17). Цинский двор, следуя политике самоизоляции и крайнего недоверия к России, отказал в свободном судоходстве по Амуру русских судов.

Из 94 документов относительно миссии В.Ф. Братищева, включенных в том, наибольший интерес представляют его “Журнал бытности в Пекине советника канцелярии Братищева” (с. 170–192, док. № 62), а также помещенное в приложениях к тому “Осведомление или некоторое поверение Вольтеровых о Китае примечаний, собранное в краткую Братищева бытность в Пекине”, с комментариями И. Россохина, дополненными комментариями Г.И. Саркисовой (прилож. № 1, с. 331–348). Эти два документа опытного дипломата, знакомого с особенностями дипломатии стран Востока по прежней службе в Персии³³, дают вполне объективное описание Цинского Китая времен правления императора Хун Ли, содержащее критический анализ, многого из того, что ему удалось увидеть или услышать в течение кратковременного пребывания в Пекине – с 29 августа по 4 октября 1757 г.

Наиболее реальные сведения о Поднебесной, в том числе и о несостоятельности распространявшихся в Пекине слухов о готовности Китая пойти войной против России, В.Ф. Братищев получил от начальника РДМ архимандрита Амвросия. Используя беседы с главой 5-й миссии, российский курьер дал резко негативную характеристику жесткому и коварному императору Хун Ли. К тому времени тот находился у власти уже 22 года, а всего, как и его дед, правил страной 60 лет. Именно на годы его правления приходятся наиболее частые и длительные периоды ухудшения отношений Цинского Китая с Россией, что убедительно отражено в документах и материалах этого тома.

“Будучи же с природы весьма горячего темперамента и неслышанной гордости, – отмечал В.Ф. Братищев, – по первому качеству к тирании весьма склонен, выдумывая учасные кары осужденным, казня иногда смертью ни за что, а по другому в правлении очень редко умеренности от него случается... Не иная страсть, как только неслышанная гордость затмевает разум его величества памятовать прозорительное деда его Кансия завещание, которое сей достохвальный государь перед последним издыханием сказал, чтобы наследники и потомки его Россию всегда в сердце своем имели или с российской стороны осторожно поступали” (с. 189–190).

К сожалению, миссию В.Ф. Братищева, несмотря на дипломатический опыт курьера, его стремление выполнить возложенные на него задачи, вряд ли можно отнести к числу успешных. Практически на все предложения и просьбы российской стороны цинское правительство ответило отказом. Главной причиной такой неудачи было крайне враждебное отношение цинского двора к России. Единственно, чего удалось добиться российскому курьеру, это согласие цинских властей на возобновление практики направления из России в Пекин вместе с РДМ учеников для изучения официальных языков Китая.

При приеме 5-й миссии по повелению богдыхана цинская сторона отказалась пропустить всех четырех учеников на том основании, что в Кяхтинском договоре не записано, чтобы в Пекине всегда находились ученики, которые когда выучатся, вернутся назад (с. 134–135, док. № 30). Следующая группа учеников прибыла в Пекин с 6-й миссией в 1771 г.

Не меньший интерес представляет собою также впервые публикуемый в этом томе журнал другого дипломатического курьера И.И. Кропотова, озаглавленный “Журнал отправленного курьером в Пекин к китайскому трибуналу с листами от рос-

³³ О жизни и деятельности В.Ф. Братищева см. статью Г.И. Саркисовой “В.Ф. Братищев и его миссия в Пекине в 1757 г.” (прилож. № 2, с. 349–363).

сийского Сената Ея императорского величества ординарца лейб-гвардии капитана-поручика Кропотова” вместе с его личными письмами к Екатерине II (с. 267–309, док. № 126).

С начала 50-х годов XVIII в. обостряется обстановка на границе: с китайской стороны совершаются многочисленные наезды “мунгальских воровских людей” на российских подданных, живших в приграничных землях, сопровождавшиеся опустошением этих мест, что нашло свое отражение во многих документах, помещенных в томе, включая экстракт из посланных от селенгинского коменданта В.В. Якоби писем и ответах на них монгольских пограничных управителей, а также экстракт из полученных в Коллегии иностранных дел от сибирского губернатора В.А. Мятлева рапортов в 1756 г. (с. 70–73, док. № 19; с. 102–126, док. № 28, 29).

Цинские власти, начиная с 1758 г. стали увеличивать численность войск на нерчинском участке границы. Российская сторона приняла ряд ответных мер по укреплению границы и одновременно предприняла шаги для урегулирования пограничных проблем дипломатическим путем. В Петербурге было принято решение направить в Пекин еще одну миссию дипломатического курьера. Выбор пал на И.И. Кропотова. Перед ним была поставлена задача доставить в китайскую столицу “обвестительный лист” о кончине императрицы Елизаветы Петровны и восшествии на российский престол императора Петра III (с. 234–235, док. № 95). Однако подготовительный период затянулся. Тем временем скончался Петр III и на российский престол вступила императрица Екатерина II. Потребовалась замена “обвестительного листа” и ряда других документов (с. 246, док. № 106).

Екатерина II поручила И.И. Кропотову известить цинские власти о своем намерении направить “знатное посольство” к китайскому богдыхану. Императрица озадачила своего ординарца, лицо доверенное, “изустным повелением”, об исполнении которого тот должен был сообщать ей в личных письмах. Задание состояло в том, чтобы на пути следования по территории России ему надлежало обращать внимание на положение дел в уездах и городах, где он останавливался, особенно на местное чиновничество, включая воевод и губернаторов. Человек умный, энергичный, инициативный свои наблюдения, выводы и характеристики И.И. Кропотов подкреплял сведениями, полученными от уездных помещиков, крестьян, ямщиков, рабочих заводов и пр. С этим заданием ординарец Ее императорского величества справился прекрасно.

Как видно из архивных документов, включенных в том, в Пекине русский курьер также выполнил значительную часть возложенных на него задач, включая беспрепятственную доставку мягкой рухляди (меха), предназначенной в качестве жалованья членам и ученикам РДМ, которое по вине китайских властей они не получали из России в течение нескольких лет. Тем не менее, ход переговоров, детально описанный в “Журнале”, со всей очевидностью показывает исключительную сложность ведения переговоров с цинской стороной даже при решении не столь сложных вопросов на уровне курьера, когда многообещающее начало и прием у самого богдыхана еще не означали их благоприятного завершения. Такое случалось неоднократно в истории российско-китайских отношений.

Завершающий серию “Русско-китайские отношения в XVIII в.” седьмой том (1765–1802) в настоящее время находится в работе и включает в себя два договорно-правовых акта, а также большое число документов о сложных российско-китайских отношениях во второй половине XVIII в. Китайская сторона, используя испытанный прием давления на Россию, заинтересованную в торговых связях больше чем Китай, только с 1744 по 1792 г. 10 раз в одностороннем порядке приостанавливала торговлю на разные сроки. Самыми продолжительными из них были объявленные в 1762 и 1785 гг. и длившиеся, соответственно, 6 и 9 лет.

В течение нескольких лет Пекин не принимал и курьеров из России. Такая политика Цинов тяжелейшим образом отражалась на материальном положении РДМ в Пекине, которая в течение 9 лет – с 1754 по 1763 г. – не получала никаких средств из России.

Центральное место в сборнике занимают российско-китайские переговоры 1768 г. Российскую сторону представлял полномочный комиссар полковник И.И. Кропотов. Весь ход трудных переговоров, длившихся с 9 мая по 22 октября 1768 г., подробно описан в его “Журнале”, который также публикуется впервые. Примечательно, что он был неизвестен даже Н.Н. Бантыш-Каменскому. На 212 страницах “Журнала” уместились события 5,5 месяцев сложнейших переговоров, завершившихся заключением “Дополнительной статьи к Кяхтинскому трактату о режиме на русско-китайской границе”. Этим документом была изменена 10-я статья о юрисдикции нарушителей границы. При этом, чтобы уладить спорные вопросы и недоразумения, И.И. Кропотов в соответствии с полученной им в Петербурге инструкцией, приказал снести надолбы и отдать китайской стороне часть замежеванной границы.

Другое соглашение в виде обмена нотами: Международный акт о порядке русско-китайской торговли через Кяхту был заключен 8 февраля 1792 г. Подтверждая действие Кяхтинского договора, он возобновлял, прерванную в 1785 г. торговлю в Кяхте и вносил некоторые изменения относительно наказания нарушителей границы. Соглашение, составленное под большим давлением цинских переговорщиков, содержало унижительные для России выражения, определения, обороты речи и т.п., а само соглашение трактовалось ими не иначе как оказанная русским милость богдыхана.

Тем не менее, заключенные во второй половине XVIII в. договорно-правовые акты³⁴ сыграли положительную роль, дополнив Кяхтинский трактат договоренностями по вопросам, оставшимся за его рамками, либо возникшим уже после его заключения.

Значительная часть тома посвящена перманентно возникавшим проблемам в сфере торговли из-за очередной приостановки цинскими властями в одностороннем порядке торговых операций и связанных с этим крайне трудным финансовым положением РДМ, особенно до 1792 г., т.е. до заключения Международного акта. Определенное оживление в Кяхтинскую торговлю внесла созданная в 1799 г. Российско-Американская кампания.

Развитие отношений в XVIII в. на основе договорно-правовых актов, заключенных в мирной обстановке и направленных на решение конкретных вопросов межгосударственного общения, в чем были заинтересованы обе стороны, способствовало сближению России и Китая, медленному постепенному преодолению межцивилизационных барьеров. Как следует из документов тома, инициатором этого процесса всегда выступала Россия.

Анализируя характер установившихся между Россией и Китаем отношений, В.С. Мясников определяет их как естественно сложившуюся своеобразную систему координат, “в которой горизонтальную линию образовывали европейские традиции и методы, а вертикальную – китайские. В результате взаимодействие сторон формировалась как вектор развития третья линия, вобравшая в себя элементы того и другого подходов”³⁵.

В конце XVIII–начале XIX вв. международные отношения претерпели кардинальные изменения. Важной составляющей этих перемен были рост авторитета России на международной арене, ее престижа как великой державы.

В это время происходит территориальное расширение сферы международных отношений, выход их за пределы Европы и вовлечение стран Восточной Азии, прежде всего Китая, и северной части Тихого океана в мировую политику. В русле этих перемен в начале царствования императора Александра I в Петербурге было принято решение о направлении в Китай полномочного посольства во главе с опытным дипломатом, графом Ю.А. Головкиным. По определению В.С. Мясникова, это посольство “от всех предшествовавших русских посольств в Китай... отличалось тем, что оно должно было

³⁴ См.: Русско-китайские договорно-правовые акты, с. 53–58.

³⁵ Мясников В.С. Особенности становления договорных отношений России с Китаем, с. 8.

решить не только и не столько проблемы двусторонних отношений, сколько утвердить новую политику России на Дальнем Востоке, которая с полным основанием может быть названа азиатско-тихоокеанской” (с. 7 предисл. Т. 1 по XIX в.).

Первый том “Русско-китайских отношений в XIX в.”³⁶ целиком посвящен посольству Ю.А. Головкина. До этого некоторые ученые высказывали предположение о том, что основной комплекс документов посольства не сохранился. Составители сборника обнаружили их в фондах Архива внешней политики Российской империи.

Включенные в том документы являются источниками первостепенного значения, такие как подробная инструкция послу, реляции Ю.А. Головкина Александру I, отношения товарища министра иностранных дел А.А. Чарторыйского послу, документы цинской стороны. В томе представлены документы, оригиналы которых составлены на шести языках: русском, французском, китайском, маньчжурском, монгольском и латинском. Подавляющее большинство из них публикуется впервые. “Русско-китайские отношения в XIX в. 1803–1807” – первая специальная публикация документов посольства Ю.А. Головкина. Особая значимость этого посольства определена масштабностью задач, поставленных перед послом инструкцией Александра I от 6 июля 1805 г. (с. 178–184, док. № 130). Значительную часть ее составлял торгово-экономический блок – 6 из 19 пунктов; помимо этого тема торговли так или иначе затрагивалась и в других пунктах. Послу следовало склонить цинский двор на то, чтобы торговля между Россией и Китаем производилась беспрепятственно по всей границе. Предусматривалось также в случае отказа китайской стороны, договариваться на торговлю у крепости Бухтармы в дополнение к кяхтинской: Бухтарма на 2 тыс. км ближе к Москве нежели Кяхта (с. 179, пункт 2).

Центральная задача, поставленная перед послом, состояла в том, чтобы добиться у китайского правительства право для России на участие в морской торговле в Гуанчжоу (Кантон). Это, по замыслу авторов инструкции, открывало бы китайский рынок для товаров созданной в 1799 г. Российско-Американской компании. И одновременно связало бы воедино русскую торговлю в Северной Америке, на Камчатке и Охотском побережье с китайским и японским рынками. Снова поднимался вопрос о плавании по Амуру, пусть даже ограниченном, русских судов (с. 179–180, пункты 2, 3, 4, 7). Послу следовало постараться получить согласие китайской стороны на торговые отношения между Российско-Американской компанией и китайским городом Нанкином (с. 180, пункт 5).

В случае отклонения китайским правительством перечисленных выше предложений, добиваться права свободно посылать от имени российского правительства торговые караваны во все внутренние и пограничные города Китая или ограниченно в Пекин и Наун, а также в ставку кутухты³⁷ (с. 180, пункт 6).

Отдельный пункт инструкции посвящен миссии в Пекине. В XVIII в. в отношении российских властей к РДМ – светских и духовных – был характерен устойчивый консерватизм. Преемники основателя миссии Петра I в большинстве своем не осознавали всей важности для российской дипломатии и науки уникального геополитического положения РДМ, ее значимости для мирного развития русско-китайских отношений.

³⁶ Русско-китайские отношения в XIX веке: материалы и документы. Т. 1. 1803–1807. Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. и автор ист. предисл. В.С. Мясников; археогр. введ. М.Б. Давыдовой, И.Т. Мороз; археогр. обработка текстов – И.Т. Мороз, Н.Ю. Новгородской; сост.: М.Б. Давыдова, И.Т. Мороз, В.С. Мясников, Н.Ю. Новгородская. Комментар. М.Б. Давыдовой, И.Т. Мороз, В.С. Мясникова, А.И. Тарасовой. Перевод с маньчж. И.Т. Мороз, с кит. – А.Д. Воскресенского, И.Т. Мороз, с франц. – Н.Б. Зубкова; авторы Прилож. 2. “Ю.А. Головкин (биографический очерк)” – И.Т. Мороз, А.И. Тарасова. Терминолог. словарь, указатели – И.Т. Мороз, Е.Н. Маркиной, Т.М. Турчак. Техническое оформл. рукописи – Е.Л. Гришиной, Н.И. Гришиной, М.Л. Лавровой, И.Т. Мороз, Е.Н. Маркиной, Т.М. Турчак, Н.Ю. Новгородской. М., 1995.

³⁷ Один из высших иерархов ламаистской церкви.

По прошествии почти 100 лет после Петра I другой царь-реформатор вновь обратил внимание на миссию. Послу вменялось наиподробнее образом вникнуть в дела миссии и по возвращении обо всем доложить. Посол должен был исходатайствовать в Пекине позволение начальникам РДМ присылать в Коллегию иностранных дел донесения не два раза в год, но “по крайней мере, четыре раза в год” (с. 182, пункт 9).

Под влиянием общественного мнения, прежде всего официальных лиц, в том числе и имевших прямое отношение к делам китайским, Александр I провел реорганизацию РДМ, сместив акцент в ее деятельности в пользу дипломатических функций³⁸.

Петербург возлагал большие надежды на успех посольства. Но Пекин в силу ряда причин не захотел принять его. И в начале XIX в. цинский двор в своей внешней политике не отреагировал на вызов времени и продолжал оставаться в плену китаеццентризма, все более отдаваясь тем самым от складывавшейся новой системы международных отношений, продолжая демонстрировать свое теперь уже мнимое превосходство над всеми другими народами и государствами. Под надуманным предлогом: отказ посла Ю.А. Головкина от репетиции поклона “коуту” в Урге (совр. Улан-Батор) перед столом с благовониями, что обычно послам предлагали делать в Пекине перед табличкой с именем императора или пустым тронем, посла Ю.А. Головкина не пропустили дальше Урги. Случай исключительный в истории русско-китайских отношений. В данный том включена рутинная переписка цинских пограничных властей с посольством, которые под разными надуманными предложениями удерживали его на границе, не пропуская на территорию Китая.

Печальный опыт несостоявшегося посольства графа Ю.А. Головкина продемонстрировал недостаточную информированность Петербурга о делах китайских и подвел русское правительство и общество к пониманию того, что для достижения успеха в отношениях с Китаем необходимо опираться на комплексные научные знания об этой стране. Такая возможность у России была, так как с 1715 г. в Пекине находилась РДМ, важнейшим направлением в деятельности которой было изучение Китая, а в Академии наук и МИД, на таможене работали ее бывшие ученики и студенты. Если бы их знания были использованы при составлении инструкции, то не получилось бы так, что ни в одном из ее пунктов не были учтены интересы Цинов, и, следовательно, уже по этому одному посольство, по определению, было обречено на неуспех.

Несмотря на печальный финал несостоявшегося посольства Ю.А. Головкина, его деятельность особенно во время поездки и пребывания в Сибири заслужили высокую оценку императора. Последовавшие события (Наполеоновские войны в Европе, Отечественная война 1812 г. и заграничный поход русской армии) отодвинули в тень само посольство, интерес к нему пропал и, как следствие, слабая изученность его, отсутствие долгое время документов самого посольства. Тем ценнее публикация целого комплекса документов, позволяющая подробно и объективно исследовать этот досадный феномен в истории российско-китайских отношений.

По следующим периодам истории взаимоотношений России и Китая в XIX в. работа не ведется из-за нехватки сотрудников.

Другая группа томов посвящена истории советско-китайских отношений. В результате победы Синхайской революции в Китае (1911–1913) и Октябрьской революции в России в 1917 г. модель развития отношений между нашими странами претерпела радикальные изменения, наполнив их качественно новым содержанием. В отличие от прежних она представляла собою модель сосуществования двух разнесистемных государств в экстремальных условиях. Хронологически модель действовала сравнительно небольшой период времени (1917–1949), вместив в себя многие важнейшие события

³⁸ *Ипатова А.С.* Важный документ в истории Российской духовной миссии в Китае (нач. XIX в.). – В потоке научного творчества. М., 2011, с. 265–282.

в истории обоих государств, прямо или косвенно определявших развитие и характер отношений между ними.

Новая модель отношений требовала оформления их в новых договорно-правовых актах, а также разного рода дипломатических встреч, бесед, переписки на разном уровне.

По периоду с октября 1917 г. до 14 февраля 1950 г. – день подписания Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР – запланировано издать пять томов. На сегодняшний день издано три тома (3,4,5).

Первый том³⁹ укомплектован, завершен сбор архивных документов, но дальнейшая работа приостановлена из-за нехватки сотрудников. Второй том находится в стадии подготовки⁴⁰. Документы этого тома отражают наиболее драматический период в истории советско-китайских отношений наполненный враждебными, провокационными действиями китайской стороны. Ответной реакцией на это стал разрыв 17 июля 1929 г. Советским правительством дипломатических отношений с Китайской Республикой.

Изданные тома охватывают 20-летний период характеризующийся восстановлением 12 декабря 1932 г. дипломатических отношений (т. 3, с. 129–131, д. № 96, 97)⁴¹, нараставшей активизацией советско-китайских отношений после вторжения японских войск в Северо-Восточный Китай (сент. 1931 г.), главным содержанием которых стала разносторонняя помощь Советского Союза китайскому народу, сражавшемуся против оккупации страны милитаристской Японией⁴², а после окончания Второй мировой войны – за создание суверенного демократического государства, результатом чего стало образование в октябре 1949 г. Китайской Народной Республики.

Проводимое в последние 20 лет рассекречивание многих фондов и отдельных документов отечественных архивов позволило включить в изданные и готовящиеся тома уникальные документы и материалы, ранее недоступные исследователям.

В тома вошли официальные дипломатические документы, переписка руководителей двух стран, записи бесед на уровне дипломатических служб СССР и Китая, телеграммы и письма советских полпредов в Москву о положении в Китае и реалиях китайской политики. Включены также некоторые материалы и документы из “Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers” о переговорном процессе в Лиге Наций по вопросам организации международной помощи Китаю в войне против Японии, хотя, как известно, реальную помощь сражавшемуся Китаю оказывал на начальном этапе только Советский Союз. Документы четвертого тома содержат непроверяемые свидетельства этому. Впервые подробно освещен ход переговоров о заключении договора между СССР и Китайской Республикой в 1945 г., связанного с реализацией договоренностей глав союзных государств СССР, США, Великобритании и подтвердившего условия вступления Советского Союза в войну с японскими милитаристами.

³⁹ Русско-китайские отношения в XX в. Советско-китайские отношения. Документы и материалы. Т. 1. 1917–1924 гг. Сост.: О.С. Артемьева, М.В. Крюков, В.С. Мясников.

⁴⁰ Русско-китайские отношения в XX в. Советско-китайские отношения. Т. 2. 1925 – сент. 1931 г. Сост.: Р.А. Мировицкая, В.С. Мясников, Т.М. Турчак.

⁴¹ Русско-китайские отношения в XX веке: документы и материалы. Т. 3. Советско-китайские отношения, сентябрь 1931–сентябрь 1937. Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников; ист. предисл. Р.А. Мировицкой, археогр. введ. Т.М. Турчак; археогр. обраб. текстов – Р.А. Мировицкой, Т.М. Турчак; сост.: А.М. Ледовский, Р.А. Мировицкая, В.С. Мясников. Указатели – О.В. Сидориной, Т.М. Турчак, Ю.Б. Удальцовой. М., 2010.

⁴² Русско-китайские отношения в XX веке: документы и материалы. Т. 4. Советско-китайские отношения. 1937–1945, в 2-х кн. Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников; ист. предисл. В.С. Мясникова, А.М. Ледовского; археогр. введ. и археогр. обраб. текстов Р.А. Мировицкой; сост.: А.М. Ледовский, Р.А. Мировицкая, В.С. Мясников; коммент. – Р.А. Мировицкой, А.М. Ледовского, В.С. Мясникова. Переводы с англ. Ван Даньчжи, Д.Л. Адамова, Р.С. Артемьев, К.В. Бойко, А.А. Сайдулов, сверка – Т.М. Турчак; указатели – Е.Н. Маркиной. М., 2000.

Значительное место в пятом томе⁴³ занимают записи бесед высших руководителей Советского государства с представителями руководства Китая и КПК. Это прежде всего полный комплект записей бесед в Китае представителя СССР А.И. Микояна с Мао Цзэдуном и др. (январь–февраль 1949 г.), записи бесед И.В. Сталина с делегацией КПК во главе с Лю Шаоци в Москве в июле–августе 1949 г. Впервые подробно документально освещены визиты Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая в Москву и подготовка этого договора.

Особая группа документов о поддержке Советским государством Русской духовной миссии в Китае освещает новый для историографии советско-китайских отношений аспект деятельности советской дипломатии в Китае.

Характер документов, включенных в эти тома, разнообразен – ноты, меморандумы, договоры, телеграммы, шифртелеграммы, заявления, служебная переписка, отражающие развитие дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой, контакты руководителей Советского государства с руководством Китайской Республики, становление и начальный этап дипломатических отношений между СССР и КНР с 1 октября 1949 г. по февраль 1950 г., включая подписание “Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой” от 14 февраля 1950 г.

Работа над документальной серией продолжается. Однако объем архивных материалов настолько велик и прочтение их настолько сложно, особенно по XVIII в., что для завершения всего издания потребуются еще годы напряженной работы. Возможно, кто-то из непосвященных во все сложности работы с архивными документами посчитает, что издание серии слишком затягивается и что следовало бы ускорить темпы работы над ней. Предвосхищая подобную реакцию, академик Н.Н. Покровский, крупнейший специалист в области отечественной археологии в рецензии на первые четыре тома писал: “На первый взгляд может показаться, что темп издания этой серии мог бы быть выше. Однако заметим сразу же, что источниковедение не терпит поспешности, директивного планирования и любой околонушной суеты. По причине своей малочисленности творческий коллектив работает с предельной нагрузкой, испытывая на себе все невзгоды, которым подвержено наше обществоведение в последнее десятилетие. Несомненным достоинством и коллектива, и подготавливаемого им издания является высокий научный уровень. В этом смысле издание можно отнести к уникальным”⁴⁴.

Главным достижением российско-китайских отношений был их мирный характер. Анализ огромного объема документов, включенных как в уже вышедшие, так и в готовящиеся тома, позволил исследователям во главе с руководителями проекта сформулировать научно обоснованную концепцию российско-китайских отношений. Суть ее заключается в том, что исторический позитивный опыт этих отношений значительно превышает драматические и даже трагические моменты, возникавшие в отдельные сравнительно короткие отрезки времени и решавшиеся также мирным путем. Это историческое достояние устойчивых мирных отношений двух государств-соседей, принадлежащих к разным мировым цивилизациям, обращено не только в прошлое, но и в значительной степени, в настоящее и будущее. Здесь уместно привести высказывание известного литературоведа и теоретика искусства М.М. Бахтина о том, что любое исследование “не может жить в будущих веках, если оно не вобрало в себя что-то из прошлых веков. Если бы оно родилось все *сплошь* сегодня (то есть в своей современности), не продолжало бы прошлого и не было бы с ним существенно связано, оно не могло бы

⁴³ Русско-китайские отношения в XX в. Документы и материалы. Т. 5. Советско-китайские отношения. 1946 – февр. 1950, в 2-х кн. Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников; ист. предисл. В.С. Мясникова, А.М. Ледовского; археогр. введ. и археогр. обработка текстов Р.А. Миrowsицкой, Т.Т. Турчак; сост.: А.М. Ледовский, Р.А. Миrowsицкая, В.С. Мясников; коммент. Р.А. Миrowsицкой, А.М. Ледовского, В.С. Мясникова; указатели Е.Н. Маркиной. М., 2006.

⁴⁴ Новая и новейшая история, 1992, № 2, с. 208–211.

жить и в будущем. Все, что принадлежит только к настоящему, умирает вместе с ним”⁴⁵. Сказанное М.М. Бахтиным подтверждает непреходящую значимость издания.

Документальная серия “Русско-китайские отношения в XVII–XX вв.”, бесспорно, представляет собою весомый вклад в мировую фундаментальную науку. Востребована она и отечественными дипломатами. Все изданные тома этого уникального проекта устойчиво имеют широкий положительный резонанс, как в России, так и за рубежом, о чем свидетельствуют многочисленные рецензии⁴⁶, и высокий коэффициент цитирования, перевод на китайский язык некоторых томов⁴⁷. Отмеченные достоинства документальной серии позволяют с полным основанием отнести ее к разряду академических изданий.

⁴⁵ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979, с. 331.

⁴⁶ Некоторые из них см.: Ch’ing-shih wen-t’i, 1970, v. 2, № 4, p. 21–39; Проблемы Дальнего Востока, 1972, № 2, с. 175–179; 1974, № 1, с. 155–159; Oriens Extremus, 1972, Jg. 19, Hamburg – Wiesbaden, S. 239–255; Народы Азии и Африки, 1974, № 3, с. 191–193; 1980, № 5, с. 224–228; Canadian American Slavic Studies, Special Issue, v. 16, № 3–4, 1982, p. 543; Восточный архив, 1998, № 1, с. 48–49; Вестник РГНФ, 1998, № 3, с. 252–258; Вестник РАН, 2001, № 7, с. 650–655; Гоцзи ханьсюэ, Пекин, 2005, № 12, с. 300–303; Люди и идеи. М., 2006, с. 129–141; Новая и новейшая история, 2011, № 3, с. 238–240; и др.

⁴⁷ Шици шицзи Э Чжун гуаньси (Русско-китайские отношения в XVII в.), т. 1, в 3-х кн. Пекин, 1978.